ный характер. В разработке любой темы, большой или малой, он считал непременным долгом не только изучить историографию данной темы, но и высказать к ней свое отношение, отношение советского ученого, обладающего историческим опытом, которого, естественно, не могло быть у его предшественников, великих и малых работников русской академической науки.

Павел Наумович сосредоточился на исследовании творчества Ломоносова в начале 1930-х гг.: итогом этих изучений и явилась книга «Ломоносов и литературная полемика его времени». Примерно через десять лет появилась серия статей, посвященных тем вопросам, о которых не говорилось в монографии. Среди статей 1946 г. мне представляется особенно важной для понимания сущности и своеобразия подхода Павла Наумовича к творчеству Ломоносова одна, на первый взгляд, к творчеству, к поэзии Ломоносова отношения не имеющая, — «Ломоносовский юбилей 1865 г.».[2] Но именно в этой статье мы находим историографическое и методологическое обоснование его собственного подхода к Ломоносову.

После очень интересного изложения всех обстоятельств празднования Ломоносовского юбилея в 1865 г., всех этапов общественно-литературной борьбы вокруг Ломоносова, Павел Наумович подвел итоги и установил, что именно в юбилейных статьях 1865 г. утвердилось представление о Ломоносове, опровергнуть которое — не на словах, а фактами и доказательствами — предстояло советской науке: «За редкими исключениями, вроде речей А. П. Щапова в Иркутске и статей в петербургской радикальной прессе, ломоносовский праздник прошел под знаком „уваровской формулы“: „православие, самодержавие и народность“. Была окончательно сложена и упрочена легенда о Ломоносове — охранителе, слуге монархии, искренне верующем человеке, наконец, борце с иноземцами только потому, что они иноземцы, как бы предшественнике славянофилов второй половины XIX века. Именно такая интерпретация образа Ломоносова на многие годы — благодаря казенной школе, от низшей до высшей — закрепилась в сознании русского общества. Если обратиться к высказываниям представителей передовых слоев русского общества о Ломоносове во второй половине XIX и начале XX века, то, при всем уважении к его дарованиям и незаурядной энергии, в этих суждениях чувствуется „неприятие“ Ломоносова именно как выразителя в XVIII в. „уваровской формулы“».[3] И далее, как бы намечая проблематику будущих исследований советской науки о Ломоносове, Павел Наумович продолжал: «Закрывались глаза на явное расхождение его „духовных од“

---

[2] Берков П. Н. Ломоносовский юбилей 1865 г. (Страница из истории общественной борьбы шестидесятых годов). — В кн.: Ломоносов. Сборник статей и материалов. II. Под редакцией А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского. М.—Л., 1946, с. 216—247.

[3] Там же, с. 244.